

18+

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

ЧАСТЬ 2



ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА

Владимир Люков

Владимир Люков

**Быть человеком. Часть
2. Петля Нестерова**

«Издательские решения»

Люков В.

Быть человеком. Часть 2. Петля Нестерова / В. Люков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509838-2

Продолжение романа-трилогии «Быть человеком». Капитана Нащокина переводят к новому месту службы. Ему предстоит служить в должности начальника контрразведки ракетной дивизии. Забрав сыновей из интернатов, он везёт их в небольшой городок Нестеров во Львовской области, где их ждут новая школа, новые друзья, новые открытия и невероятные приключения.

ISBN 978-5-00-509838-2

© Люков В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Нестеров	8
Жолква	10
Адаптация	12
Побег в никуда	16
Возвращение блудного сына	17
Сюрприз	19
Семья	20
Назад в будущее	23
Нашего полку...	29
Мгновения	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Быть человеком

Часть 2. Петля Нестерова

Владимир Люков

Редактор, дизайнер обложки Кирилл Владимирович Люков

Дизайнер обложки Владимир Николаевич Люков

© Владимир Люков, 2020

© Владимир Николаевич Люков, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-9838-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Каждое утро в небе над Жолквой на большой высоте появлялся австрийский биплан. Он спокойно и неспешно, словно парящий в небе коршун, высматривающий свою добычу, делал полный круг над городом и беспрепятственно улетал восвояси. В штабе фронта 3-й русской армии, который размещался в Жолковском замке, небезосновательно нервничали. Для устранения проблемы было принято решение о переброске с другого участка фронта 11-го авиаотряда под началом прославленного лётчика, автора мёртвой петли, штабс-капитана Петра Нестерова, и 3 сентября 1914 года русские лётчики перелетели в Жолкву.

Буквально за две недели до этого Нестеров был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. К тому времени он уже был кавалером орденов Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. Ведь он и его подчинённые воевали так здорово, что австрийское командование официально объявило о крупной денежной награде тому, кто сумеет сбить русского аса. В русском штабе считали, что нужно любой ценой прекратить полёты австрийцев над городом. Лётчики тоже переживали по этому поводу. Но что они могли предпринять? Ведь у них, кроме пистолета Маузера, не было никакого другого оружия.

Именно поэтому в воздушной дуэли с австрийским противником 8 сентября 1914 года впервые в практике мировой авиации Пётр Нестеров, не видя другого выхода, применил таран, в результате которого погибли оба пилота австрийского аэроплана. К большому сожалению погиб и русский лётчик. За этот подвиг он был посмертно награждён орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени.

Гибель Нестерова произвела сильное впечатление на всю страну. О совершённом им подвиге писала вся мировая пресса.

Гроб с телом погибшего авиатора был доставлен в Киев. Десятки тысяч киевлян пришли проститься с героем. Отпевали его в Никольском военном соборе и с надлежащими воинскими почестями похоронили под деревянным крестом на старинном аристократическом кладбище на Аскольдовой могиле. Семье назначили самую высокую на то время пенсию – 1890 рублей в год.

В 1938 году уже Советская власть принимает решение разбить на месте кладбища парк. Родственникам позволили перезахоронить останки близких. Некоторые перезахоронения проводили за государственный счёт.

Крест на могиле Нестерова не сохранился. Тогда для определения захоронения привлекли старого киевского фотографа, присутствовавшего при этом историческом событии в далёком 1914 году. Ориентируясь по фотографиям, разрыли предполагаемую могилу. Обнаружили покоившегося там офицера в сапогах. Но фотограф хорошо помнил, что лётчика похоронили без обуви. Он настоял на дальнейших поисках по сохранившимся памятникам на соседних могилах, которые были запечатлены на фотографиях. Некоторые к тому времени уже были снесены. В следующей раскопанной могиле обнаружили офицера в носках. Его то и перезахоронили на Лукьяновском гражданском кладбище. На могиле героя установили памятник.

В честь подвига выдающегося русского лётчика, в том же 1914 году в селе Воля-Высоцкая, близ города Жолква, был сооружён монумент. Во время Великой Отечественной войны советские лётчики, вдохновляясь примером знаменитого русского авиатора, совершили более шестисот воздушных таранов.

Через шесть лет после войны, в 1951 году город Жолква был переименован в город Нестеров.

Музейный комплекс, воздвигнутый в 1980 году, посвящённый памяти всемирно известного авиатора, выдающегося русского лётчика-героя, автора мёртвой петли, основополож-

ника высшего пилотажа Петра Николаевича Нестерова, никогда не пустовал. У пьедестала его памятника всегда лежали свежие цветы. Сюда приводили школьников, студентов, курсантов лётных училищ. Мальчишки после посещения музея и знакомства с героической жизнью Нестерова мечтали стать лётчиками. Здесь бывали посетители из всех уголков большой страны, именуемой СССР.

Нестеров 1960 год

На место приехали засветло. Машины остановились рядом с красивым двухэтажным особняком старой постройки.

– А вот и наш дом. Тут мы теперь будем жить. Идите, начинайте осваиваться, – напутствовал Николай, высаживая сыновей из машины.

Нацокину предоставили служебную квартиру, предыдущий обитатель которой, тоже офицер, съехал уже, отбыв вместе со своими домочадцами к новому месту службы. Квартира занимала практически весь первый этаж особняка и состояла из трёх просторных комнат и огромного коридора. Ещё одна комната оставалась свободной в ожидании потенциальных жильцов. Полы в комнатах были паркетные, а высоченные потолки украшены лепниной. Большая, относительно, кухня была общей, на две семьи. Относительно – это, если сравнивать её с кухней в Ужгороде, которая была гораздо больше. И уж, тем более, ни в какое сравнение с ней не шли крохотные кухоньки в новых трёх-пятиэтажных домах, которые стали строить в последнее время повсеместно. В народе их уже метко окрестили «хрущёвками».

Особенность данной квартиры заключалась в том, что из каждой комнаты был свой отдельный выход на улицу. На втором этаже проживала семья из трёх человек, а соседствовал с ними одинокий инвалид-фронтвик. Ещё на каждую семью, проживавшую в доме, приходилось по довольно большому помещению в подвале, где можно было хранить всевозможные соленья-варенья, а также любое ненужное барахло, которому не находилось места в квартире. Из кухни тоже был отдельный выход во двор. Водопровода и канализации в доме не было. Умывались под простым рукомойником, под которым на табурете ставили таз. Помыться же капитально можно было только в городской бане, куда, минимум раз в неделю, отправлялись целыми семьями. Общественный туалет на шесть персон располагался в самом дальнем уголке двора. Туда же выносили вёдрами помои, которые накапливались в процессе жизнедеятельности жильцов трёх домов, проживавших в границах данного дворового пространства, огороженного от внешнего мира обыкновенным штакетником. Уборка дворовой территории и туалета осуществлялась самими жильцами, согласно графика. За водой же нужно было идти на противоположную сторону улицы, к колонке за мостом.

Едва успели выгрузить из машины немногочисленные пожитки, как братья отправились изучать и осваивать окрестности. На прикреплённой на доме табличке значился адрес, из которого следовало, что улица носила имя Ленина. Как выяснилось впоследствии, во время фашистской оккупации в этом здании располагалось гестапо.

На противоположной стороне, через дорогу, раскинулся парк культуры и отдыха имени Довганика, который был одним из любимейших мест времяпрепровождения для всех окрестных мальчишек. Улицу пересекала небольшая речушка под названием Свѳнья. Впрочем, в обыходе, ударение всегда делали на последнем слоге. Дом, в котором им предстояло проживать, располагался как раз на пересечении улицы Ленина с этой речушкой. Место, как подметили братья, получалось очень живописное.

Забегая чуть вперёд, скажем, что речка, хоть была и невеличка, но с крутым норомом. Особенно по весне, когда начинавшийся ледоход, усугубляемый бурным течением, сносил все лёгкие мостики, находящиеся в парковой зоне. Капитальный же каменный мост, являющийся частью улицы Ленина, выдерживал натиск стихии, но способствовал образованию ледяных заторов. Лыдины, напиравшие друг на друга, увлекаемые сверхъестественной силой, становились на ребро, упираясь верхним концом в арку моста, который стонал и трещал под мощным натиском, но каким-то чудом всё же выдерживал и продолжал выполнять своё прямое предна-

значение. Вода же, начиная стремительно подниматься, с оглушительным рёвом взламывала лёд дальше по руслу и, нагромождая льдины друг на друга, тащила неминуемо к мосту. Река выходила из берегов, затапливая улицу и двory домов, стоящих вдоль неё.

В дальнейшем, по приказу начальника нестеровского гарнизона полковника Буцевицкого, проживавшего в соседнем доме, лёд стали взрывать заранее, не дожидаясь когда капризы природы начнут мешать нормальному существованию людей, проживавших в непосредственной близости.

Итак, братья, подстёгиваемые любопытством, смело отправились навстречу новым открытиям и приключениям. Заблудиться они не боялись, так как городок был небольшой, в сравнении с Ужгородом, да и ориентиры были отличные. Улица Ленина брала своё начало от железнодорожной станции Жолква, за которой к югу высилась гора Гарай, а заканчивалась в центре города, у остатков крепостной стены, когда-то окружавшей весь средневековый город-крепость, в который вели четверо ворот или на местном наречии брам: Львовские, Звержинецкие, Жидовские и Глинские. Сохранились только Звержинецкие. Брамы именовались по названию городов, в направлении которых вела дорога, выходящая из них. Въезд в город осуществлялся только с востока, где когда-то стояли Львовские ворота, так как остальные дороги были не проезжими. Поражали своей строгой величественностью костёлы и множественные памятники средневековой архитектуры, сохранившиеся до наших дней практически в первозданном виде, являвшиеся свидетелями многих значимых исторических событий. Буквально в каждом доме, в каждом камне и памятнике просматривалась богатая и насыщенная деяниями великих людей великая история. По одной из версий, в Жолкве родился будущий гетман Богдан Хмельницкий.

Нестеров был небольшим городком районного значения во Львовской области. Он располагался в 25 км от Львова и в 35 км от советско-польской границы. Здесь когда-то проходила древняя граница земель и княжеств Червоной Руси – Галиции и Волыни, Звенигородского и Белзского княжеств. Возле подножия горы Гарай (365 метров над уровнем моря) – крутого уступа холмистой гряды Расточья, пересекались важные торговые пути Червоной Руси. Образовывая несколько изгибов, гряде прорезает река Свiнья.

Жолква

В 1547 году в родовом имении Жолкевка, находившемся на реке Вепрь (впоследствии Свінья) подо Львовом, родился будущий великий канцлер Речи Посполитой и коронный гетман Станислав Жолкевский. Отец его был поначалу православного вероисповедания, служил некоторое время в военной службе, а после смерти первой жены Софии помышлял даже о монашестве. Но потом предпочёл всё же гражданскую службу и достиг значительных результатов на этом поприще. Хотя он, будучи выходцем из коренного русского населения, был напрочь лишён тщеславия и прочих слабостей, свойственных полякам, влияние окружения и покровительство сановных друзей постепенно преобразило всё же и его самого в поляка. А после того, как он сделался коронным сенатором, так и вовсе покинул православие и перешёл в латинство. Но поступил он так, отнюдь, не по убеждению, а только из личной выгоды. Доказательством тому может служить то, что под конец своей жизни он сделался протестантом.

Ну а сын его, Станислав Жолкевский, отличился впервые, как военачальник, во время череды войн короля Батория. Ему же удалось усмирить и казацкое восстание на Украине, вспыхнувшее под предводительством Наливайко и Лободы. Участвовал он и в войне со шведами. А во время бунта шляхты против короля Сигизмунда, несмотря на взаимную нелюбовь друг к другу, Жолкевский помог ему и наголову разбил мятежников. В 1597 году он строит замок в своём имении. А в 1603 году, в благодарность за усмирение бунтовщиков, получает королевское разрешение на строительство города и право назвать его своим именем (магдебургское право). Строила, в основном, его жена Регина, а он в это время продолжал воевать.

В 1610 году, по настоятельной просьбе короля Сигизмунда, он принял участие в войне с московским государством, хотя считал, что эта война никак не соответствует интересам Польши. Разбив в 1610 году при Клушине войско Димитрия Шуйского, Жолкевский подступил к Москве, где в это же время был свергнут с престола царь Василий Шуйский. Он занял Москву польским войском и содействовал избранию на московский престол королевича Владислава. Поляки сожгли Москву и основательно разграбили все её сокровищницы. Получив известие, что Сигизмунд сам желает быть царём московским, Жолкевский решил вернуться домой, так как при таком раскладе не видел для себя никакой перспективы. Передав командование московским гарнизоном одному из своих ближайших соратников и захватив с собой московскую казну, Василия Шуйского и его братьев, он уехал под Смоленск, который в это время со своими войсками осаждал король Сигизмунд. Передав ему пленённых Шуйских, Жолкевский вернулся в Польшу.

Последние годы своей жизни он провёл в войнах с татарами и турками, защищая южные рубежи Речи Посполитой. В бесславной битве с турками под Цецорой в 1620 году, видя, что поражение неминуемо, он отказался бежать с поля боя, для чего даже застрелил собственноручно своего любимого коня и в итоге был убит сам.

В этой же битве на стороне Жолкевского сражался и будущий гетман Богдан Хмельницкий. Будучи пленённым, он был продан в рабство, в котором пребывал два года. Впоследствии внук гетмана Жолкевского Ян Собесский, ставший королём, нанесёт туркам сокрушительное поражение и тем самым отомстит за своего прославленного деда. Бывший замок гетмана Жолкевского с 1675 года станет его резиденцией.

Накануне Первой мировой войны там располагались гимназия и муниципалитет, а перед Второй мировой – городская тюрьма. Во время фашистской оккупации в замке некоторое время находилось гестапо, а после войны – НКВД, впрочем, тоже недолго. Затем там устроили квартиры для семей советских офицеров и военные склады. Параллельно шли реставрационные работы, и к 1975 году была завершена полная реставрация всего замка.

Станислав Жолкевский с женой Региной и их сын покоятся в подземной усыпальнице в костёле святого Лаврентия, который был заложен ещё при жизни гетмана. Он является одним из лучших образцов Ренессанса в Галиции. В его обширном некрополе покоятся также настоятели и меценаты храма, королевичи и государственные секретари, отец короля Яна Собесского Якуб Собесский.

Адаптация 1960 год

Итак, в жизни братьев произошли значительные перемены. И самая главная заключалась в том, что интернат остался в прошлом. Николай твёрдо решил для себя, что дети должны расти в полноценной семье и жить дома. Он видел, как быстро они растут и взрослеют и как всё трудней ему становится находить взаимопонимание с ними. Если ничего не поменять в их дальнейшей жизни, то намечающийся уже разрыв в отношениях с сыновьями может превратиться в непреодолимую пропасть. Первым делом он записал их в обычную школу.

Это была единственная в Нестерове русская средняя школа. Размещалась она в бывшем Василианском монастыре. В этом же здании, имевшем п-образную форму, помимо школы, разместились ещё типография и медучилище, примыкавшее к величавому строению Храма Пресвятого Сердца Христова, построенного в XVII веке на месте православной церкви Рождества Христова. Он продолжал функционировать и отгорожен был от внешнего мира высокой монастырской стеной. В школе обучались представители самых разных национальностей, для которых русский язык был основным языком общения и нормального существования в принципе. Впрочем, изучение украинского языка и литературы входило в школьную программу и было обязательным для всех.

Во время северной войны 1706—1707 годов в Жолковском замке располагалась ставка русского военного командования и резиденция императора Петра I. И, по преданию, именно из Василианского монастыря император самолично за волосы выволакивал своего фаворита Александра Меншикова, искавшего у тамошних обитательниц. На глазах изумлённых горожан тащил его Пётр, не выпуская, через центр города, аж до места расквартирования.

У братьев теперь была своя комната. Обстановка сугубо спартанская. Три солдатские кровати, соответственно три тумбочки и стол, за которым можно было готовить уроки или играть в настольные игры. Отец строго следил за порядком. Недопустимо было оставить не заправленной постель. Самой большой достопримечательностью в комнате была голландская печь, облицованная очень красивыми, искусно выполненными изразцами. Вовке, как младшему, повезло в том плане, что его кровать стояла в непосредственной близости с этой замечательной печкой и он с нетерпением ждал наступления холодов, когда можно будет её растапливать и, сидя перед ней на табурете, следить замороженно через приоткрытую дверцу, как причудливо преображаясь, словно живые существа, яркие ненасытные языки пламени пожирают одно полено за другим.

Для того, чтобы паркетные полы выглядели достойно, нужно было их периодически натирать специальной щёткой, надетой на ногу. Предварительно на паркет наносили мастику. Мальчишки заводили патефон, благо пластинок было предостаточно, и под музыку, по очереди, так как щётка была одна, скользили по паркету. Вовке очень нравилось крутить ручку патефона и менять пластинки. Некоторые из них он слушал по много раз. Особенно ему нравились песни в исполнении Леонида Утёсова и Клавдии Шульженко.

Незаметно пролетело лето. Начались занятия в школе. Братья, вливаясь в новые коллективы, обрастали новыми друзьями. Нелегко поначалу давалась учёба Вовке. Ведь теперь нужно было переучиваться с украинского языка на русский. Причём, на разговорном уровне никаких проблем не возникало, а вот с грамматикой было непросто. Необходимо было усваивать новые названия и определения, которые в русском языке кардинально отличались от украинских. Но постепенно всё стало налаживаться. Зато теперь у него, наконец-то, была новенькая школьная форма, о которой он когда-то так мечтал. Фуражка с кокардой и чёрным лакированным козырьком, широкий, как у отца, кожаный ремень с бляхой, которую так же, как и металличе-

ские пуговицы нужно было начищать до зеркального блеска. Всё это, а также чищеную обувь и чистые руки, стриженные ногти, опрятный вид при входе в класс строго контролировали санитары, выбранные на классном собрании из числа одноклассников. Так же выбрали старосту, звеньевых, редколлегию стенной газеты. Вовку, ставшего членом редколлегии, назначили художником. Он должен был рисовать и оформлять стенные газеты. Это поручение ему нравилось, так как рисовать он любил и делал это с удовольствием. Нужно отметить, что все братья унаследовали от отца умение рисовать.

На левой стороне груди Вовка с гордостью носил значок в виде пятиконечной звездочки, в центре которой был размещён портрет маленького Володи Ульянова. Он очень трепетно относился к этому символу принадлежности его к юным ленинцам – октябряткам.

Но по-доброму завидовал он старшим братьям своим, которые уже были пионерами и мечтал о том дне, когда и ему повяжут алый пионерский галстук. И сможет он так же стоять на пионерской линейке и отдавать салют, и маршировать в едином строю под звуки горна и бой барабана. И во всём походить на Мальчиша Кибальчиша, любимого героя из одноимённой сказки Аркадия Гайдара. Быть таким же смелым и самоотверженным, без колебаний отдавшим свою жизнь за светлое будущее народа, так и не выдав проклятым буржуинам, даже под пытками, главную военную тайну. Идут пионеры, – Салют Мальчишу! Летят самолёты, – Привет Кибальчишу!

Командир ракетной дивизии полковник Буцевицкий был фигурой весьма колоритной. За глаза подчинённые называли его просто Буцем, но он был для них образцом для подражания и подлинным эталоном служения своему делу. Этаким отцом-командиром. Он со своим семейством проживал в соседнем от Нащокиных доме. Его сын Владимир, которого прозывали уменьшительно Буциком, учился в одном классе с Витькой. Он был таким же представителем уличной братии, как все его сверстники и друзья. Так же, как и другие стрелял из рогатки по бутылкам и лампочкам, принимал участие в уличных потасовках и разборках и мало чем отличался от прочих пацанов. Дома же был примерным сыном. Хорошо учился, вовремя делал домашние задания, лепил из пластилина солдатиков различных родов войск и эпох. Воспроизводил на листах фанеры целые исторические баталии, коллекционировал марки и монеты.

Братья Нащокины часто бывали у них дома и наблюдали Буца-старшего в домашней обстановке. В спортивных шароварах и майке, с выпирающим из-под неё огромным, в полном смысле этого слова, животом. Он шлёпал в домашних тапочках по всей квартире и рёбрами ладоней энергично стучал по нему, пытаясь укрепить пресс. Также у него ещё со времён войны была вставная челюсть, благодаря чему он говорил, немного прищепётывая и чуть заметно присвистывая в шипящих окончаниях. Как бывший фронтовик он очень гордился наградами и званиями соединения, которым командовал. И воспитывал такие же чувства у своих подчинённых. На общих разводах дивизии, носившей название Берлинской, которые проходили регулярно по понедельникам, он зычным голосом по высшему разряду приветствовал своих подчинённых:

– Ждравштвуйтсе, товарищси гварде-ейчтсы! – если ответ звучал недостаточно убедительно, он повторял ещё раз.

– Ждравштвуйтсе, товарищси берли-инчтсы! – если ответ снова его не устраивал, он выкрикивал новое приветствие.

– Ждравштвуйтсе, товарищси зашра-а-анчтсы-ы! – после этого уж точно звучал дружный, громоподобный ответ строя.

Нащокин служил в должности начальника контрразведки дивизии. Ему было присвоено звание майор. Целыми днями он пропадал на службе. Часто выезжал в командировки. Работы было невпроворот. Местные не очень-то жаловали военных. Россия для галичан всегда была врагом номер один. И все свои неудачи и беды они привычно перекладывали на москалей.

Простому солдату невозможно было в одиночку пойти в увольнение из-за риска быть битым или получить камнем по голове. Но и солдаты, в случае чего, подхватывались всей казармой и, настигая обидчиков, так яростно махались пряжками, что надолго отбивали охоту связываться с ними у самых безбашенных отморозков.

Националистические проявления во взаимоотношениях между взрослыми нет-нет да проскальзывали порой на бытовом уровне. Но более явно эта зараза проявлялась в подростковой среде. Взрослые, в силу жизненного опыта, старались всё же как-то обходить острые углы при общении. А у подростков это встречалось сплошь и рядом. Вовка, в силу возраста, до тех пор ничего не смыслящий в таких вопросах, вскоре ощутил это на собственной шкуре. Так, продавщица в магазине игнорировала его напрочь, если он обращался на русском языке. Конечно, если рядом не было свидетелей. Но стоило перейти на мову и она, как ни в чём не бывало, начинала его обслуживать.

Вскоре Вовка узнал, что он ещё и москаль. Как-то, подпитые и прокуренные бездельники-переростки взяли его в кольцо прямо в центре города.

– Ну шо, москалыку, гроши маешь? Позыч трохи, бо в нас нэ выстачае.

Вовка как раз направлялся за хлебом. Отец оставил денег и поручил сходить в магазин. Глядя на них снизу вверх, он стал объяснять, что так, мол, и так, и поделиться не получится. В ответ на это чей-то увесистый кулак высек сноп искр из его глаз. На некоторое время он был оглушён и обескуражен. Никто ещё и никогда не бил его по лицу. В нём одновременно вспыхнули и злость, и обида, и досада по поводу собственного бессилия.

– За что?!

Вовка с вызовом развернулся в сторону ударившего. И в тот же миг последовал удар ногой сзади и тут же кулаком поддых. Перехватило дыхание, не хватало воздуха. Двое подхватили его под руки и сильно дёрнули вверх, а третий залез к нему в карманы и вывернул их наружу.

– Вы что к малому пристали? – вмешалась проходившая мимо пожилая женщина, – Христа на вас нет! Вот милицию позову!

– А ну, старá, геть звидсы, бо пошкодуеш! Тоби щось трэба? Зараз будэш маты! – зашипели на неё недоноски.

Но женщина была настроена очень решительно и отступать не собиралась. На шум стали реагировать и останавливаться прохожие. Невдалеке показался военный патруль. Оттолкнув одного из обидчиков, Вовка вышел из круга. Те тоже, не дожидаясь осложнений, двинули в другую сторону. Униженный и расстроенный Вовка вернулся домой ни с чем. Вечером Валерка, обнаружив под глазом у брата синяк, стал допытываться о случившемся. Вовка ответил вопросом на вопрос:

– А что значит москаль?

– Подрастёшь – узнаешь! – отмахнулся тот и переспросил, – Запомнил кого-нибудь? При случае, покажешь! Понял?

Для того, чтобы сосуществовать в этом социуме приходилось как-то приспособливаться. Пацаны сбивались в стаи, чем могли вооружались. Помимо рогаток, которые были практически у всех, делали самопалы-дробовики различных конструкций, капсульные и мелкокалиберные пистолеты, патроны для которых достать не составляло особого труда. Что-то находили в лесу, в случайно уцелевших бандеровских схронах. Когда проводилась полномасштабная операция по очистке лесов от хозяйничавших там бандитов, то обнаруженные схроны предварительно забрасывались гранатами. Но малолетние следопыты вполне могли наткнуться и на уцелевшие землянки. И, конечно, они не упускали случая пошарить там в надежде найти какое-нибудь оружие. Это было небезопасно, так как внутри могли быть установлены растяжки. То, что удавалось найти, испытывали где-нибудь на пустырях. Но, разумеется, процесс этот был неуправляемым. Стреляли по воронам и по лампочкам на столбах. Чем результативнее была

эта стрельба, тем темнее становилось на улицах в тёмное время суток. Порой, в результате неумелого обращения с оружием случались факты членовредительства. В ходу были кастеты, свинчатки, бамбуковые трубки, залитые свинцом. Всё это разнообразие изготавливалось самостоятельно, в домашних условиях. И применялось в частых стычках между подростковыми группировками. Дрались школа на школу, улица на улицу, городские с сельскими, местные с приезжими. Тем не менее, жизнь есть жизнь, а мальчишки оставались мальчишками. Где их только не носило. Они не чувствовали опасности и жаждали приключений.

Дома за каждым из братьев были закреплены обязанности, которые нужно было исполнять своевременно и неукоснительно. Валерка отвечал за мытьё посуды, что случалось не часто, так как питались, в основном, в столовых, а также за поддержание порядка в квартире. Это не значит, что он один должен был делать уборку. Всего лишь надо было следить за тем, чтобы необходимость уборки возникала как можно реже. Витька был ответственным за доставку воды, за которой ходил с ведрами на колонку. Вовке же досталось выносить помойное ведро. Сливались помои в уборную. Ведро было тяжёлое и Вовка делал две, а то и три остановки, чтобы передохнуть по пути. Причём за день таких ведер могло быть и два, и три. Зимой ещё приходилось им таскать дрова из подвала, уголь со двора, растапливать печи, чтобы дома было тепло. Картошку тоже доставали из подвала. Всё это отец закупал под зиму. Уголь и дрова ссыпали во дворе. Дрова ещё нужно было напилить, да наколоть. Вовке колоть не давали. Валерка с Витькой делали это сами, по очереди. А Вовка, то с одним, то с другим братом, распиливали предварительно полутораметровые брёвна на несколько чурбаков. По мере готовности, таскали дрова в подвал, а там уже складывали в поленицы. Попутно охотились на крыс, которых в подвале было в избытке.

Витька частенько проверял на Вовке силу своего психологического воздействия. Так во время пиления брёвен он, глядя пристально в глаза младшему брату, начинал произносить свои заклинания:

– У тебя ослабли руки, ты не можешь удержать пилу...

И, действительно, как по мановению волшебной палочки, руки начинали слабеть. И Вовка, не будучи в силах больше удерживать ручку пилы онемевшими пальцами, отпускал её. То же самое происходило, когда они вытряхивали пыль из половиков. Они становились друг против друга, крепко вцепившись руками за углы половика, и трясли его с такой силой, что при этом раздавались громкие хлопки. И тут, в какой-то момент, Витька произносил своё заклинание. Вовка, под воздействием внушения, резко отпускал свой край половика. И уже никакая сила не могла его заставить продолжить прерванный процесс. Ослабевшие руки безвольно опускались вниз и не подчинялись ему более.

Побег в никуда 1960 год

Время неминуемо близилось к Новому году. Нащокин, вдруг, объявил сыновьям, что уезжает в Киев и через пару дней вернётся с мамой. Едва отец успел уехать, как Валерка заявил братьям, что новая мать ему не нужна и жить дома он не собирается.

– Уйду куда глаза глядят, а вы оставайтесь.

– Я с тобой, – поддержал Витька.

– И я уйду, – со слезой в голосе, неожиданно для себя, выпалил Вовка.

– Ты-то куда собрался, мелкий? Сиди – не рыпайся! С тобой ещё нянчиться...

– Ну и пусть! Без вас обойдусь! Я сам... – обиделся Вовка.

Хотя он и представить не мог сразу, куда ему можно было бы уйти и как дальше жить одному. Меж тем два последующих дня он только об этом и думал. И таки додумался. Пространство под лестницей, с двухметровой высоты нисходящей из кухни во двор, было загорожено досками. Небольшая дверца позволяла попасть вовнутрь. Взрослому не пролезть, а ребёнку в самый раз. Прежние жильцы держали там курей. Вовка залез туда и всё обследовал. Место вполне сносное. Дощатый пол был укрыт сеном. Он навёл там какой-никакой порядок и притащил солдатское одеяло и подушку со своей кровати, а ещё офицерскую полевую сумку, с которой ходил в школу.

– Ну и пусть, – думал он с жалостью к самому себе. Увидят, что постель не застелена и поймут, что он ушёл из дома из-за них. И всю жизнь потом будут мучиться и раскаиваться.

Братья по очереди дежурили у окна, выглядывая, правда ли отец приедет не один. Когда из подъехавшего к дому служебного газика отец вывел незнакомую тётеньку, братья бросились врассыпную. До позднего вечера Вовка прогулял с друзьями в парке, а затем, под покровом темноты пробрался в своё убежище. Долго не мог уснуть, было страшно. Ночью немного подморозило. Он основательно продрог. Всякие сумбурные мысли лезли в голову. Почему его никто не ищет? А ну, как его больше не пустят домой и он вынужден будет скитаться неведомо где и с кем? А как школа? Да, по сути, вся жизнь кувырком. Разные фантазии, одна страшнее другой, крутились в его голове. Он воображал всякие апокалиптические картины, в которых болеет или умирает от холода и голода. Ну и пусть, потом сами будут жалеть, накручивал он себя. И ему так жалко стало себя самого, что слёзы обильно потекли из глаз, обжигая щёки. Лучше бы уж он остался в интернате. Через некоторое время, вволю наплакавшись, он успокоился. Мысли рассеялись и он засопел, изредка всхлипывая во сне. Ночью Вовка проснулся от страха и холода. Заснуть больше не получалось. Он лежал, плотно закутавшись в одеяло, и прислушивался к каждому шороху извне.

Возвращение блудного сына 1960 год

Кое-как Вовка высидел четыре урока. Никому из друзей не сказал он ни слова о своих проблемах. От голода мутило и сводило живот. Только по пути домой открылся лучшему своему другуку Зубе, которого на самом деле звали Серёгой. По существующей уличной традиции, позаимствованной у блатных и тех же бандеровцев, у каждого пацана обязательно была кличка. Чаще всего она приклеивалась к человеку, исходя из каких-то характерных особенностей, свойственных только ему или трансформировалась из фамилии.

Так Вовку поначалу прозвали Щок. Помните историю про основателей Киева? Потом Щ заменили на Ш, получился Шок. А со временем Шок преобразовался в Шток. У Зубы же два верхних резца торчали, как у кролика, из-за чего он постоянно держал рот полуоткрытым. Отсюда и прозвище. Так вот, Зуба, услышав от Штока, что он в бегах, пригласил его к себе домой. Жил он рядом, через три дома от Нащокиных. И отец у него работал председателем исполкома. Так обозначил его когда-то в разговоре сам Зуба. Но Вовка запомнил лишь то, что он председатель, а что исполкома вскоре забыл, так как не понял, что этот исполком означает. Поэтому, спустя некоторое время, он был в полной уверенности, что тот работает председателем колхоза. Про себя он даже недоумевал по этому поводу. Как он может работать председателем колхоза, находясь постоянно в городе?

Серёгина мама накормила их обедом, после чего они отправились делать уроки. Потом немного поиграли в пластилиновых солдатиков. Нужно отметить, что изготовление пластилиновых солдатиков и формирование из них целых армий, ведение настоящих боевых действий на куске фанеры было повальным увлечением мальчишек. Из алюминиевой проволоки ковалось оружие, доспехи. Из металлических трубочек делали пушки, которые заряжали серой, соскабливая её со спичечных головок. Для минирования, помимо той же серы, применяли и порох, который достать не составляло труда. Минировали и подрывали построенные на доске мосты, железнодорожное полотно, крепостные стены. Таких досок, как правило, было несколько. На каждой была своя история, другая армия и эпоха.

Иногда игроки приходили в гости к товарищу со своей доской и сражались друг с другом посредством своих пластилиновых армий. Использовали даже боевых майских жуков, запрягая их в колесницы. Жуков в мае месяце было невероятно много. Помимо широко распространённых коричневых жуков попадались и зелёные. Но наибольшей популярностью пользовались жуки рогачи. Их держали в спичечных коробках и даже чуть-чуть подкармливали мясом. От этого они становились более массивными и приобретали устрашающий вид. Победитель забирал у проигравшего его солдатиков себе. Как бы в плен. В дальнейшем бывший владелец мог их на что-нибудь выменять или обменять на других пленных, если они у него были. Но все знали, что самые обширные и невероятно красиво изготовленные военные баталии были у сына полковника Буцевицкого. Но он, к сожалению, никогда не проигрывал. Наигравшись, друзья пошли гулять на улицу.

Как стемнело, Вовка с сожалением направился в сторону своего дома. Ему очень не хотелось опять ночевать под лестницей. Тем более, что ночи уже были холодными, хотя снег ещё не выпал. Вовка решил заглянуть в освещённое окно, посмотреть, что там происходит внутри. Забравшись на выступ цоколя, он осторожно заглянул в окно и чуть не свалился от неожиданности. Братья, которые, как полагал он, тоже находились в бегах, сидели, как ни в чём ни бывало, за одним столом с той, из-за которой они, собственно, и решили уйти из дома. Они разговаривали с ней и чему-то весело смеялись, за обе щеки уписывая фрукты и сладости, кото-

рыми были наполнены вазы на столе. Вовка проглотил слюну и ощутил сильное чувство голода. Не в силах устоять перед таким соблазном, он решил капитулировать и явиться с повинной.

Против ожидания, встречен он был вполне доброжелательно, чему был несказанно рад и, не без удовольствия, подсел к братьям. Будущую мачеху звали Тамарой Анатольевной. Вовка поначалу стеснялся, но потом освоился, успокоился и стал вести себя непринуждённо. Между делом, он сбегал в своё убежище и с лёгким сердцем перетащил обратно постельные принадлежности. Братья, оказывается, вернулись домой, ненамного опередив его. Видимо, в их планах тоже что-то не сложилось.

Отец пришёл поздно и мальчишки, уже находясь в постели, слышали, как Тамара, так братья стали называть её между собой, уговаривала его не ругать их за демарш. Только после этого они успокоились окончательно и уснули.

Утром Тамара накормила детей завтраком и отправила в школу. Проводив всех, она вышла в город осмотреться, а заодно купить что-нибудь из продуктов. Николай обещал привезти ёлку. Они решили сделать праздник детям, которые ёлку видели только на школьных утренниках, да на городской площади. Тамара предложила украсить её конфетами, которые во время новогоднего праздника можно будет снимать прямо с веток и есть их, запивая чаем. Поэтому, зайдя в кондитерский отдел, она выбирала конфеты в переливающихся яркими цветами обёртках и фантиках, которые красиво и празднично будут смотреться на ёлке. Ещё она купила три симпатичных маски из папье-маше: зайца, волка и медведя.

Когда братья вернулись из школы, их ждал вкусный, свежеприготовленный обед, наличие которого выдавали ароматы, распространившиеся по всему дому. Накормив их, Тамара хотела, было, проверить у них дневники, но не тут-то было. Валерка сказал, что забыл его в парте. У Витьки учительница, якобы, собрала их на проверку. Только у Вовки дневник был в наличии. Он достал его из офицерской полевой сумки. С такими сумками ходило полшколы, так как в основном все были из офицерских семей. Это было очень удобно и престижно. Старшим удалось отговориться, что, мол, домашнее задание выполнили на перемене в школе и убежать на улицу, а с Вовкой Тамара решила позаниматься индивидуально. Благо, задано было немного и он быстро справился.

Сюрприз 1960—1961 гг.

Покончив с уроками, Вовка незаметно сунул за пояс рогатку и заторопился на улицу.

– Приходи пораньше и братьям передай, если увидишь. Вечером вас будет ожидать сюрприз, – предупредила его Тамара.

Братья пришли домой раньше обычного. Уж больно им хотелось узнать, что ж там за сюрприз такой. Они предполагали всё, что угодно, но увиденное превзошло все ожидания. Высокая, под самый потолок, пушистая ёлка стояла в большой комнате, а отец с Тамарой заговорщически улыбались.

– Мальчишки! Мойте руки после улицы, а потом мы с вами будем наряжать нашу ёлку! – торжественно произнесла Тамара.

Вернувшись с чистыми руками, они увидели, как Тамара высыпала из сумки на середину стола приличную горку шоколадных конфет в красивых ярких фантиках.

– Вот этими конфетами мы и украсим нашу ёлку, но сейчас пробовать их не будем, а потерпим до Нового года. Тогда и праздник будет по-настоящему сказочным и желанным.

Тамара показала им, как сделать петли из ниток, чтобы за них можно было цеплять конфеты на ёлку. Дело спорилось и скоро ёлочка засверкала во всей красоте. До Нового года оставалось три дня.

Вовке не терпелось попробовать конфету. Но три дня – это ведь так долго. А терпеть было не в состоянии. А вот если попробовать одну, тогда можно будет подождать и три дня. Ночью он никак не мог заснуть, всё думал об этом. И вот, не в силах противиться больше своему желанию, Вовка тихонько, насколько это было возможным, встал и на цыпочках вышел в гостиную, где стояла ёлка. Чутко выждав, пока глаза привыкнут к темноте, он осторожно вытянул вперёд руку. Нашупав конфету, потихоньку развернул нижний хвостик фантика. Конфета сама, под своей тяжестью, упала ему в ладонь. Разломив её пополам, он сунул одну половинку в рот, а другую аккуратно вернул обратно, завернув хвостик. Так же осторожно, стараясь не шуметь, с половинкой конфеты за щекой, вернулся обратно и тихонько нырнул под одеяло. Лёжа с закрытыми глазами он, не спеша, рассасывал её и блаженно улыбался. Так с улыбкой и заснул. И уже не мог видеть, как, точно так же, к ёлочке ходили по очереди и его братья. На следующую ночь всё повторилось снова и, по-видимому, не один раз.

И вот, наконец, подошёл Новый 1961-й год. Когда дело дошло до чаепития, Тамара предложила братьям снимать с ёлки конфеты, кому какие нравятся. Но никто из них не вызвался это делать. Мальчишки жеманничали и отнекивались:

– Да ладно, мы и так попьём. Да мы не хотим, да мы сладкого не любим, да мы...

– Ну, как хотите, а я с удовольствием попью чай с конфетками.

Тамара подошла к ёлке и попыталась снять конфету, но фантик оказался пустым. Она стала пробовать другие, но и там было то же самое. Братья незаметно переглядывались друг с другом в ожидании скандала. Найдя, всё же, ближе к макушке, несколько целых конфет, Тамара сняла их и положила на блюдце на столе. Как ни в чём не бывало, она разлила чай по чашкам и, обращаясь ко всем, сказала:

– Ну не любите сладкого – пейте так, а мы с папой попьём с конфетами.

Вовке стало так неловко, будто бы это он один поел все конфеты. Братья, явно, тоже были не в своей тарелке. Лучше уж поругали бы, что ли. Праздник был испорчен.

Семья 1961 год

1-го января в стране была проведена денежная реформа. Это было сделано для придания рублю большей полновесности. Ну и для облегчения денежного обращения, конечно. Во всяком случае, так доводили народу с высоких трибун. В обращение были выпущены банкноты нового образца достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей. Новые деньги были гораздо меньше по размеру, чем старые. Обмен наличных денег должен был осуществляться в течение трёх месяцев без каких-либо ограничений в специально открытых обменных пунктах, в соотношении 10:1. Дореформенные деньги за их крупный размер называли «сталинскими портянками», а послереформенные за их малую величину «хрущёвскими фантиками». Если бы не профиль Ленина на бумажных деньгах, к ним бы и вовсе не было никакого уважения. Но очень скоро отношение народа к ним изменилось. «Фантиками» они перестали называться уже к весне. В обиходе их стали называть «новыми», а цены, по привычке, переводили на «старые». На товарах цена поначалу указывалась и в старых, и в новых деньгах. Эти деньги оказались очень стабильными и просуществовали более 30 лет. Вместе с введением в оборот новых купюр уменьшились в десять раз и цифры на ценниках в магазинах. Правда, почему-то, с округлением в большую сторону. Так, например, товар стоимостью 19 рублей 70 копеек стал стоить 2 рубля, а не 1 рубль 97 копеек, что было бы логичнее.

Вскоре Николай с Тамарой зарегистрировали свои отношения в ЗАГС (е). На свадьбу приехали и родители с обеих сторон. Свадебное застолье организовали дома. Кроме родных пригласили соседей сверху и нескольких сослуживцев Николая с жёнами. Посидели, попели песни, потанцевали под патефон. Дети за общим праздничным столом со взрослыми не сидели, это было не принято. Поэтому обе бабушки покормили их на кухне и напоили чаем с тортом и конфетами. После чего они убежали на улицу. Гости же допоздна не засиживались, у всех хватало своих домашних дел и забот. Соседки помогли перемыть посуду, часть которой они принесли с собой.

Родители через пару дней разъехались по домам. Киевские бабушка с дедушкой пригласили так неожиданно появившихся в их жизни внуков к себе в Киев на летние каникулы. Воронежские звали к себе. Порешили на том, что справедливо будет, если дети будут приезжать к ним поочерёдно. И жизнь потекла своим чередом дальше.

Тамара Анатольевна стала учительствовать в русской школе. Преподавала химию, биологию, зоологию. Дополнительно вела химический и зоологический кружки. Она закончила Ужгородский университет с красным дипломом. А с будущим мужем познакомилась в самолёте, когда летела из Киева, где жили её родители, в Ужгород. Нащокин же, напротив, учился в Киевском университете на заочном отделении юридического факультета и возвращался домой. Волею судеб их места оказались рядом. Тамара плохо переносила перелёт, её тошнило. Николай, как умел, пытался помочь ей с этим справиться. Так и познакомились. В Ужгородском аэропорту Нащокина встречала служебная «Победа». Он предложил подвезти приглянувшуюся попутчицу до дому.

Она жила в студенческом общежитии. Потом уже, как бы случайно, он стал периодически попадаться ей на глаза. То в университет подвезёт, то после занятий встретит. Так, постепенно, у них завязался роман. Николай долго не решался сообщить Тамаре, что у него трое детей. И только, когда встал вопрос о переводе к новому месту службы, он открыл все карты и сделал предложение руки и сердца. Он не торопил её с ответом. Дал возможность всё хорошо обдумать и, в случае согласия, сообщить ему о своём решении по новому адресу. И вот, перед Новым годом, от неё пришло письмо.

Появление женщины заметно изменило жизнь всей семьи. Тамара сразу же стала создавать уют в доме. Для начала всё, что было можно, перемыла, почистила. На швейной машинке, которую она привезла с собой из Ужгорода, вечерами строчила какие-то шторы, занавески, покрывала и многие другие, необходимые в быту мелочи. Стала готовить нормальную домашнюю еду. Николай даже стал приезжать на обед домой. После обеда он ещё умудрялся полчасика вздремнуть.

Постепенно дом преображался и переставал походить на симбиоз холостяцкой берлоги с солдатской казармой. Но самой сложной задачей для неё было установить контакт с детьми, наладить с ними доверительные отношения. И делать это нужно было уже сейчас, не откладывая. А опыта в общении с детьми у неё не было никакого. Ей в то время шёл двадцать второй год. А тут взрослый, серьёзный мужчина, прошедший войну, на пятнадцать лет старше, да ещё с тремя детьми. Нелегко ей далось решение ответить согласием на предложение Николая.

С восьмилетним Вовкой, кажется уже сейчас, можно было контактировать без особых проблем, ввиду того, что его характер ещё не был сформирован окончательно и не испорчен тлетворным влиянием улицы. А вот доверие и расположение старшего сына, которому уже было тринадцать лет, завоевать будет очень сложно. Тамара уже почувствовала его независимый нрав и неприкрытый скептицизм по отношению к окружающим. Витька был на год младше и особенности его характера она пока не раскусила. Но отметила, что он не по годам был очень рассудителен и на всё имел своё собственное мнение. Как говорится: сам себе на уме. Разница же в возрасте с ними была совсем небольшая. То ли мать, то ли старшая сестра.

С первой полочки Тамара, посоветовавшись с мужем, взяла в рассрочку на год телевизор «Рекорд». Это был красивый деревянный полированный ящик с экраном на передней панели, Воронежского производства. Когда это чудо техники включили и на вспыхнувшем экране появилась таблица настройки, все уселись перед ним и долго не могли отвести от неё взгляд, словно заворожённые. Настолько это казалось непостижимым и необычным явлением. Позже, когда началась трансляция передач, они узнали, что их всего две – центральная московская и местная львовская. Изображение было черно-белым, но, прилагавшаяся в дополнение к телевизору, трёхцветная целлулоидная плёнка позволяла делать его цветным, если таковым его можно было считать. Качество картинки было не ахти какое и постоянно приходилось двигать антенной.

Так в семье Нащокиных появился новый вид проведения досуга, который, казалось, должен был способствовать укреплению и объединению семьи. Вместе с тем, детям были поставлены условия, соблюдение и выполнение которых давало им возможность смотреть телевизор. А это значило, что нужно было своевременно и качественно выполнить домашнее задание и иметь положительные отметки. Так же, до начала телепередач, нужно было управиться и со своими домашними обязанностями. Это, в какой-то степени, стимулировало мальчишек. Но только на первых порах, пока интерес к телевизору не угас. К тому же, отец разрешал смотреть передачи только до девяти часов вечера. В результате, снова победили улица и друзья.

Только какие-то чрезвычайные события, происходившие в стране, могли заставить их прильнуть к голубому экрану. Так, 12 апреля 1961 года, произошло невероятное, просто фантастическое событие. Первый человек в мире покориł космос. И это был советский гражданин Юрий Гагарин, улетевший старшим лейтенантом и вернувшийся уже майором. Он стал национальным героем. Его любили все. Им гордились все, как, впрочем, и страной, запустившей его в космос. Этот день стал настоящим праздником. Люди выходили на улицы, пели песни, смотрели в небо, которое теперь стало намного ближе, и улыбались, поздравляя друг друга. Дети стали играть в «Гагарина» и мечтали стать космонавтами.

Незаметно подошёл к концу учебный год. Ура, каникулы! Три месяца свободы. Позади остались уроки и домашние задания, пятёрки и двойки, дополнительные занятия и продлёнка, учителя: хорошие и не очень, друзья и подружки, собрания, всевозможные кружки и про-

чие мероприятия. Можно долго ещё перечислять всё, что происходило на протяжении года и удивляться тому, что ты всем этим жил, участвовал, выполнял всё, что от тебя требовалось. При этом выпитывал и постигал много всякой всячины: полезной и не очень, а то и вовсе пустой и ненужной. И ещё хватало времени на бесполезное времяпрепровождение, необдуманные шалости, граничащие иногда с хулиганством, чреватые опасностью в любой момент обернуться преступлением.

Не раз уже Нащокин находил и отбирал у сыновей то рогатку, то самопал, то порох. Как-то, нагрянув неожиданно, Николай извлёк у них из-под подушек целый арсенал оружия и в горячах бросил всё это в пылающую печь. В результате чего боеприпасы начали взрываться, и металлическую дверцу сорвало с петель и она, вращаясь, полетела по комнате, по счастливой случайности никого не задев. Сколько раз ещё он беседовал, убеждал, наказывал, но за всем ведь не уследишь. Да и они стали осторожней и умней, дома уже ничего не держат, но, наверняка, где-то прячут. Глаз да глаз нужен, особенно за старшими. Возраст самый, что ни на есть, опасный. Тут с одним Валеркой мозги свихнёшь. Вечно чего-нибудь изобретает и испытывает. Не знаешь, что ещё может выкинуть. И ведь голова-то варит неплохо. Вот если бы ещё в мирных целях, цены бы не было. Вон антенну какую смастерил из трубок. Чего-то припаял, прикрутил, закрепил на крыше. Телевизор стал польские каналы показывать. Приёмник собрал ламповый, наверняка «Голос Америки» слушает по ночам.

Николай не запрещал сыновьям ловить и слушать западные голоса, так как понимал, что это бесполезно. Не даром же народная мудрость гласит, что запретный плод сладок. Так, просто предостерегал иногда, чтобы не лягнули где языком что-нибудь из услышанного. Сам же он часто крутил ручку своей радиолы, выискивая в ночном эфире эти самые голоса. Его, как контрразведчика, это интересовало особенно.

И по английскому языку, говорят, Валерию равных нет, продолжал размышлять Николай. Так он ещё и польский с чешским учит по самоучителю, чтобы читать их журналы в оригинале. По физике и математике хвалят, говорят способный. Но тараканов в голове, хоть отбавляй. Курит тайком. Соседям грубит, с учителями огрызается. Знал бы ещё Николай, как он медную мелочь покрывает цинком и подсовывает в магазине, покупая сигареты. В надежде на то, что продавцы не заметят подвоха, особенно после реформы. И ведь, как правило, не замечают, отпускают товар, сортируя мелочь по размеру, а не по номиналу. Бывают и осечки, но он только плечами пожимает, мол, сам перепутал. А почему они такие, кто ж знает?

Нащокин прекрасно понимал, что сыновей нужно вырвать из привычной среды и отправить куда-нибудь подальше на время летних каникул, под хороший надзор, чтобы уберечь их от необдуманных или, не дай Бог, противоправных действий. О пионерском лагере они даже слышать не хотели, да и Николай, хорошо помнивший о двух неудачных попытках, тоже склонялся к этому. Он решил всех троих отправить на лето к родителям, в Берёзовку. Там далеко не убежишь, разве только на речку. Надо сегодня же написать матери, чтобы ждала внуков на лето.

Назад в будущее 1961 год

Братья с радостью восприняли известие о поездке в Берёзовку. У каждого из них ещё живы были воспоминания о том времени, когда они жили там какое-то время. Даже в сельскую школу ходили, пока отец не объявился и не увёз их в Ужгород. Всё лучше будет, чем в лагере. И от отцовского ока подальше. Свобода! Хотелось повидать сестёр. Поди подросли, не узнать. Да и друзья остались, наверняка. Куда ж им деваться?

У Вовки тоже была в те времена подружка, с которой он проводил значительную часть времени. Звали её Наташка. Она была года на два младше Вовки. Её отец был участковым милиционером и жили они в небольшой квартирке при почте, в третьем, от избы Нащокиных, доме. Он много мотался по своим служебным делам по всей округе и дома бывал мало, наскоками. При почте не было никакого подсобного хозяйства, зато была небольшая детская площадка. Песочница, качелька. В этой песочнице дети с удовольствием играли в свои детские игры. Иногда к ним присоединялась и сестра Светка. Но было это не часто, так как ей приходилось немало хлопотать по дому, помогая бабушке. Вовка, не будучи обременённым домашними делами, часто бегал на почту, чтобы поиграть с Наташкой.

Добраться до Берёзовки было не так уж и просто. До Москвы самолётом, потом поездом до Воронежа. Из Воронежа электричкой до Анны, а там уж автобусом до Берёзовки. Наступил день отъезда. Отец на своём газоне отвёз их во львовский аэропорт и посадил на рейс до Москвы, предупредив стюардессу, что дети одни.

И вот братья на борту. Для них это был первый опыт полётов. Когда все пассажиры заняли свои места, миловидная и улыбчивая стюардесса напомнила правила поведения на борту и, пожелав хорошего полёта, скрылась за шторкой в носовой части. Через некоторое время, после набора самолётом высоты, она появилась вновь, толкая перед собой тележку с двумя подносами. На одном была россыпь мятных сосательных конфет «Взлётные», которые помогали тем, кто плохо переносил полёт, справиться с тошнотой. А на другом в шахматном порядке стояли рюмки с водкой и коньяком. Вовка, смущаясь, взял одну конфетку. Витька деловито загрёб целую горсть и сунул в карман. Валерка же с невозмутимым видом подцепил рюмку с коньяком и залпом опрокинул её в рот. Причём исполнил это так виртуозно и уверенно, что стюардесса, никак не ожидавшая от подростка такой прыти, на мгновение опешила, но тут же, спохватившись, покачала укоризненно головой и быстро перешла к следующему ряду.

В дальнейшем она порой выглядывала из своего укрытия в салон, обращая особое внимание на братьев, чтобы убедиться, что всё нормально. Но настоящее облегчение она почувствовала только тогда, когда все пассажиры благополучно покинули борт самолёта, совершившего посадку в аэропорту «Внуково». А когда Валерка на выходе мило подмигнул ей, она вздохнула с облегчением и даже улыбнулась в ответ. Дядя Валя, встретивший племянников в аэропорту, отвёз их на такси на Казанский вокзал и посадил в поезд «Москва – Воронеж».

Вовке показалось, что Берёзовка несколько не изменилась за пару лет, прошедших с тех пор, как бабушка отвезла его отсюда в Ужгород. Во всяком случае, внешне изба выглядела абсолютно так же, как он её помнил. Внутри же перемены были налицо. Так в кухне, где ранее полы были земляные, теперь был дощатый пол. В малюсеньких окошках вощёная бумага и бычий пузырь были заменены на стёкла. Увеличены были и оконные проёмы. Вместо большой чёрной тарелки радио-ретранслятора теперь висел небольшой репродуктор с регулятором громкости.

В остальном же особых изменений не было видно. Всё так же на своём месте в красном углу были иконы, а в дальней комнате на стене, за высоким лимонником в кадке, висел по-

прежнему поясной карандашный портрет дяди Вали, выполненный старшим братом Николаем, на который Вовка смотрел уже совершенно другими глазами. Он поражался мастерству художника, своего отца, который с помощью только одного коричневого карандаша сумел передать столько нюансов и оттенков. Был чётко прописан каждый волосок и вся шевелюра в целом. Глаза казались настолько живыми, что трудно было выдержать этот взгляд.

Дедушка Ваня извлёк откуда-то, невесть как сохранившийся, самодельный мяч из надутого бычьего пузыря, которым внуки когда-то, живя здесь, играли в футбол. Нахлынули воспоминания. На улице перемены были видны тоже. На месте пустыря с оврагом, пролежавшими между домом и сельсоветом, где дети проводили в играх значительную часть времени, а зимой скатывались по склону на самодельных санках и играли в разные зимние забавы, теперь был выстроен дом, огороженный с улицы высоким глухим забором, с огородом и садом. Также Вовка узнал, что семья участкового милиционера, проживавшего с дочерью Наташкой при почте, переехала в Анну. Ну, да ладно. Вовка считал, что он уже не в том возрасте, чтобы играть в песочнице, тем более с девочками.

Через дорогу, напротив, прежде стоял большой сарай, в котором хранился весь необходимый противопожарный инвентарь: бочки-водовозки на колёсах, огнетушители, багры, лопаты, песок и прочие предметы и приспособления, используемые при тушении пожаров. Там же находилась вся конская сбруя, а иногда стоял и сам конь, за которым, как и за инвентарём, присматривал общественный пожарный Тимофей. Он хоть и пьющий был, но, с его же слов, человек ответственный и обязательный.

Вовка вспомнил, как после большого пожара, уничтожившего несколько домов по их улице, он приходил к ним плакаться и изливать душу, считая себя невинно пострадавшим после того, как мужики-погорельцы отходили его как следует кнутами. Как ещё жив остался? Лето тогда стояло сухое, без дождей. Жара была сорокоградусная. Ссохшаяся земля покрылась сетью глубоких трещин. Пожар случился совсем рядышком, через дом от Нащокиных. Огонь перекидывался с крыши на крышу. Избы, крытые соломой, занимались одна от другой и сгорали, как свечки. Этому способствовал сильный ветер. Зрелище было страшное. Нащокиным повезло, что ветер дул не в их сторону. Люди метались вокруг, пытаясь как-то воспрепятствовать огненной стихии, передавая вёдра с водой по цепочке от колодца, но порывы раскалённого ветра сводили на нет все усилия. Мужики, не найдя нигде Тимохи-пожарника, взломали замки на воротах сарая и разобрали весь инвентарь. Обе бочки, которые по правилам должны были всегда стоять наполненными водой, оказались пустыми. Пока нашли лошадь, впрягли и сгоняли на реку за водой, где, кстати, и обнаружили безмятежно спящего и пьяного вдрабадан Тимоху, всё уже сгорело. Пожар завершился сам собой лишь потому, что закончилась улица, а по деревенски – порядок. Ну мужики и устроили Тимохе самосуд. Хорошо, не подпустили к нему баб, последствия могли быть гораздо хуже.

На месте злополучного сарая теперь стояло частично возведённое кирпичное сооружение будущего клуба. Пока выстроили только первый этаж из двух предполагавшихся и на этом строительство было временно приостановлено на неопределённый срок, то ли из-за отсутствия средств, то ли желающих продолжить эту работу.

Не успели ещё братья как следует осмотреться и погрузиться в окружающую атмосферу, а Витька уже начал подготовку к рыбалке, в которой он был большим спецом. Он стал выискивать и подбирать в дедовом хозяйстве всё, что для этой цели могло сгодиться. Леску и крючки он привёз с собой, поплавков же соорудил из пробки от винной посуды и гусяного пера, вместо грузила приспособил гайку, а вот с удилищем возникли проблемы. Не только в дедовом хозяйстве ничего подходящего не сыскалось, но и во всём селе не росло ни одного, мало-мальски подходящего, дерева или куста. Вдоль речки росли кое-где кустики, но слишком уж мелкие и жиденькие. Не то что в Нестерове – лещина на каждом шагу. Хочешь делай удочку, хочешь – лук и стрелы. А тут степь кругом и до ближайшего леса километров десять будет.

Валерка решил обойти эти проблемы другими методами. Правда не настолько традиционными, но он считал, что цель оправдывает средства. Главное – улов гарантирован. Всего-то нужно было дойти до аптеки. Ближайшая аптека находилась в соседней деревне, за рекой. Сразу после обеда братья отправились в аптеку за чудодейственным препаратом, с помощью которого можно было обеспечить рыбой всю семью. Он хорошо знал, что для этого нужно, так как имел неплохие познания в химии и опыт, наработанный на речке Свйнья в Нестерове. На другой берег речки с одноимённым названием Берёзовка они переправились, раскачиваясь, по кладкам подвесного моста и пошли по протоптанной местными жителями дорожке в соседнюю Чесменку, которая от речки была уже хорошо видна.

Без особого труда найдя аптеку, старшие братья запустили туда одного Вовку.

– Мелкому не станут задавать лишних вопросов, – резонно рассудил Валерка. – А то начнут: что, зачем, да почему?

Сказано – сделано. Заставив Вовку повторить несколько раз название порошка, Валерка сунул ему в руку деньги и подтолкнул к двери. Витька хотел, чтобы он прикупил ещё анисовые капли, на которые карась хорошо клюёт, но Валерка авторитетно заявил, что не стоит всё валить в одну кучу. А то Мелкий может запутаться в названиях и сорвать всю операцию.

– За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Вот принесёт, то что нужно, зайдёшь сам и купишь свои капли. По ним, я думаю, вопросов не будет.

Вовка вышел уже через пять минут, держа в руке возделенную упаковку. Убедившись в том, что он купил, что было нужно, Витька пошёл за своими каплями. Обрато он вышел сияя.

– Теперь посмотрим чья возьмёт. – и, подмигнув, показал малюсенький пузырёчек и бережно спрятал его в карман.

Довольные они возвращались домой. Уже на подходе увидели, как приоткрылись соседские ворота, оттуда верхом на лошади вынырнул белобрысый подросток и, лихо гикнув, ударил в бока лошади босыми пятками, будто шпорами. Конь взвился на дыбы и, с места в карьер, чуть было не растоптав подвернувшихся на пути братьев, понёсся наёмом вдоль улицы в сторону реки, понукаемый лихим наездником.

Бабушка Устинья, всё видевшая с крыльца, пояснила, что это Вовка-баламут, младший из двух соседских братьев.

– Старшой-то, Шурка, спокойный, рассудительный, всё чавой-то хлопочить по хозяйству, пособлять отцу. А этот – непутёвый растёт, не выйдя из него ничего путного. Тьфу-у! – В сердцах плюнула она. – Нашим девкам щас проходу не даёт. А что дале будя? Вот, можа, пока вы тутати, поостерегаются маленько-то. Поздно он у них родился, – она кивнула в сторону соседей, – баловали всё да пылинки сдували. Все капризы сполняли, вот таперича и пожинаяют. Ну, да будя уж об том. Вы как? Не оголодали ещё-то? Мож, чаго постряпать вам?

– Ба-а! Ты голову не ломай, – отозвался Валерка, – что будет, то и поедим. А сейчас лучше подготовь сковородки, рыбы принесём на ужин. Можно будет нажарить.

– Ой ли! Хватить на всех-то?

– На этот счёт не беспокойся, хватит и ещё останется! Слышь, баушк...? Дай нам хлеба, четверть каравая. Пойдём рыбу ловить.

– На рыбу-то червяков надо-ть, а не хлеба. Тут на хлеб не лавют.

– Ничего-о.., мы наловим. Тут уметь надо!

Валерка достал привезённые ласты и одноместную надувную лодочку в виде лебедя, замесил хлебный мякиш, добавив купленного порошку.

– Возьмите пустые вёдра, пару хватит, – командовал он, – И пошли уже. Пойдём с нами, покупаетесь, – позвал он и сестёр.

Дойдя до речки, они прошли подальше от плескавшихся у самого берега деревенских пацанят. Раздевшись, Валерка надул лебедя и стал натягивать ласты, а Витька в это время

катал хлебные шарики, отщипывая их от общей лепёшки и забрасывал в воду. Не прошло и десяти минут, как то тут, то там стали всплывать кверху брюхом всякие рыбины, одна другой больше. Валерка полез в воду и поплыл, толкая впереди резинового лебедя. Он стал собирать попадавшуюся по пути рыбу, выбирая покрупнее, и складывал её в резиновую птицу. Набрал несколько штук, подплывал к берегу и выбрасывал добычу в траву. Порошок в хлебе действовал на рыбу, как снотворное. Но это действие длилось не больше пяти минут. Некоторые уже начинали просыпаться и уходить на глубину. Но Валерка натаскал уже достаточно. Оба ведра были наполнены. Тут были щуки, караси, лини, плотва, краснопёрки и окуни. Можно было идти домой. Бабушка, увидев, что они пришли с таким уловом, была поражена.

– Ой! – всплеснула она руками, – Ай и вправду, наловили! Куды ж столько-то? Чистить-не перечистить!

– А мы со Светой поможем, бабуль! – вызвалась Валентина.

Сёстры стали помогать бабушке чистить рыбу, и втроём они быстро управились. Взяли, сколько нужно на жарку, а сверх того засолили. Ужинали на крыльце на свежем воздухе. Дед Иван сделал погромче репродуктор и, поставив его на подоконник, приоткрыл окно, чтобы слышно было на крыльце.

– Новости хоть послушаем, а то всё крутисси, как заводной. По нужде иной раз не отойдётся, – и, сверкнув озорно глазами, он заговорщицки подмигнул внукам. И, крякнув от удовольствия, уселся на своё место.

– Сиди уж, балабол! Закрутилси совсем, – не удержалась бабушка, – Сколько уж талдычу лошадь взять в сельсовете, навоз замесить с соломой. Покудова погода позволять, кизяков наделать, да просушить. А то дожди зарядют, как тады? Пока ребятишков много и подсобят, поди.

– Тьфу ты, змей какая! – беззлобно отмахнулся дед и, прикрыв глаза, стал сосредоточенно обсасывать рыбы косточки.

Когда уже пили чай, по радио стали передавать новости. Московский диктор торжественно сообщил о награждении Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва третьей медалью Героя Социалистического труда. За заслуги в руководстве по созданию и развитию ракетно-космической техники и т. д. и т. п.

– О как! – не то одобрительно, не то с осуждением воскликнул дед Иван и вышел из-за стола.

После сытного ужина взрослые разбрелись по своим делам. На крыльце остались только дети. Сёстры предложили поиграть в карты, и братья охотно согласились. Играли в «козла», потом в «ведьму», пока по улице не погнало стадо коров. Они отчаянно мычали, тяжело неся наполненное молоком вымя, как бы призывая хозяев быстрее освободить их от этого непосильного бремени. Светка, бросив карты, побежала встречать Зорьку, которая, протяжным мычанием извещая о своём возвращении, уже повернула во двор. Из избы на крыльцо вышла Ольга Трифоновна в повязанном под подбородком платочке и села на лавку у стены, подслеповато глядя перед собой белёсыми глазами. Приглядевшись, она угадала Вовку и заговорила, обращаясь непосредственно к нему.

– Ну что, крестничек, а носишь ли ты крестик? Ай, нет?

– Нет, не ношу, тётъ Оль. – немного сконфузился Вовка.

– Крёстной зови меня, крёстной, – строго поправила она, тыча в него узловатым перстом, – А почто не носишь-то?

– Потому что никакого Бога и нет. Нам в школе сказали, что всё это выдумки и обман. Я и снял его, а то друзья засмеют.

– Грех это, ой грех. Бог-то всё видит и слышит. И всё спросит с тебя, когда время придёт.

– А вот Гагарин летал и никакого Бога там не видел.

– Бога не каждый увидит, а вот он видит всех. А ты крещёный и это уже навсегда, носишь ты крестик или нет. Когда срок твой придёт предстать перед Всевышним, на могиле всё одно крест поставят.

– Не-ет! На моей могиле звезду поставят.

– Ну-ну. Глупый ты ещё. А вот вырастешь, будешь и крестик носить, и меня не раз ещё вспомняешь.

Братья каждый день, пока была погода, бегали на речку. Они всегда располагались в одном и том же месте. Тут был небольшой, метра в два обрывчик, с которого им нравилось прыгать в воду. Купались, загорали. Вовка, не умеющий плавать, плескался у берега, перебирая по дну руками, а ногами со всей силы колотил по воде, поднимая фонтаны брызг и всю муть со дна. Валерка пытался было научить брата плавать, но у того ничего не выходило. Тогда Витька решил применить свой метод. Он ухватил Вовку подмышки и потащил на глубину. Тот, почувствовав, как дно уходит из-под ног, вопил и отчаянно сопротивлялся. В результате нахлебался воды, но плавать так и не выучился. Валерка вытащил его на берег и повздорил из-за этого с Витькой. Чуть было не передрались даже. Потом успокоились, но купаться уже расхотелось и они ушли домой. Вовка идти отказался, сославшись на то, что хочет позагорать.

Почти каждый день, практически в одно и то же время, сюда приходил и располагался недалеко от них взрослый уже парень, видимо студент. Братья так и прозвали его студентом, потому что он всегда приходил с книжкой и тетрадкой, в которой периодически что-то записывал. Позанимавшись, он вставал и с разгона нырял с обрыва в воду, долго, как мог, плыл под водой и, вынырнув где-то далеко, продолжал быстро плыть в том же направлении, применяя то один, то другой стиль плавания. Чувствовалось, что делал он это с удовольствием и очень профессионально. Где-то там вылезал на берег и бегом бежал обратно по протоптанной вдоль речки стёжке. Добежав до места, становился на голову и стоял так довольно долго, обсыхая. Вот и в этот раз он был на своём месте и стал невольным свидетелем возникшего между братьями конфликта.

Когда Вовка остался один, студент подошёл к нему и приветливо спросил:

– А хочешь, я научу тебя плавать? – Вовка, ещё не пришедший в себя после предыдущих уроков, стал было отнекиваться, но студент был настойчив. – Не бойся, ты всё будешь делать сам, я просто подскажу что надо делать и чуть подстрахую. Вот увидишь, уже сегодня ты будешь плавать самостоятельно.

Он говорил так убедительно и уверенно, что Вовка согласился, доверившись ему. Когда они вошли в воду по пояс, студент объяснил ему, что и как нужно делать. Главное, нужно было лечь на воду и полностью вытянуться, расслабив все мышцы и перебирать руками и ногами, как это делают собаки. Вовка делал всё, как говорил студент. Тот лишь одной рукой слегка поддерживал его на плаву. Убедившись, что Вовка всё делает правильно, он сказал ему, чтобы попробовал теперь самостоятельно плыть вдоль берега. Вовка попробовал и у него стало получаться. Сначала метра два проплыл, потом пять, потом сколько хватило сил. И пусть он пока делал это неуклюже, но зато по-настоящему, не касаясь дна ни руками, ни ногами.

– Поплаваешь таким образом вдоль берега, – сказал в заключение своего урока студент, – а когда почувствуешь себя уверенно, можешь попробовать отплывать немного от берега на глубину и возвращаться. Со временем у тебя будет получаться лучше и лучше, и ты сам будешь определять свои дальнейшие действия. Давай дерзай, а мне пора уходить. – Вовка поблагодарил своего учителя и, счастливый, продолжил закреплять полученный результат. Вернувшись домой, решил ничего никому не рассказывать, а завтра удивить братьев.

Бабушка Устинья, как обычно, хлопотала по хозяйству. Пройдя через сени во двор, он увидел, что дедушка повыгребал из всех катухов навоз и сложил его рядом с гумном, на котором высился заготовленный омёт соломы. Братья крутились тут же. Валерка по приставной лестнице взобрался на самый верх и сбрасывал сколько надо вниз, нанизывая солому на вилы,

а Витка распределял её равномерно по всей куче. Дед тем временем сходил за лошадьё и, взгромоздившись на неё верхом, замесил навоз, перемешивая его с соломой, которую Валерка подбрасывал то и дело под копыта, а Витка поливал водой. После чего бабушка начала, используя специальные деревянные приспособления, формовать кизяки. Подоспевшие сёстры проворно помогали ей в этом, словно куличики из песка лепили. Кизяков становилось всё больше и больше, а навозная куча таяла на глазах. А дальше уже и Вовка подключился, помогая переворачивать подсохшие на солнце брикетки. Последний этап был самый интересный. Для окончательной просушки из кизяков строили круглые пирамиды, в рост человека и пустые внутри.

Погода стояла необычайно жаркая и сухая, и спасение было только у воды. Хотя и там укрыться особенно было негде. Земля раскалилась и растрескалась. Трава пожелтела и посохла. У бабушки сильно болели ноги. Они опухали так, что ей было тяжело ходить. На ночь она натирала их мазью на основе змеиного яда, с резким запахом, который сразу расходился по всей избе. А днём внуки ловили ей пчёл на цветках мальвы, обильно разросшейся в палисаднике. Для этого они заглядывали в каждый цветок и, если замечали там пчелу, осторожно заворачивали лепестки внутрь, не давая возможности ей вылететь оттуда. Цветок срывали и несли бабушке, а она переворачивала его на ногу, вынуждая пчелу жалить её. Иногда и внукам доставалось, если не успевали аккуратно и расторопно запечатать пчелу внутри цветка.

К августу погода резко переменилась и начались затяжные дожди. Дороги развезло. Ни пройти, ни проехать. Теперь не то что на реку, а и просто во двор выйти было невозможно. Поэтому большую часть времени проводили на крыльце, слушая передачи радио и играя в подкидного дурака или пьяницу, пока не надоеет. Шестого августа передали сообщение ТАСС. В космос полетел второй космонавт, советский гражданин Герман Титов, семнадцать раз на «Востоке-2» облетевший вокруг Земли. Карты отложили в сторону и все наперебой стали фантазировать и высказывать предположения о дальнейшем покорении космоса и, вероятно, скорых уже полётах на другие планеты. То, что ещё вчера казалось чем-то невероятным и фантастическим, сбывалось уже сейчас, практически у них на глазах и что будет завтра – даже представить было невозможно. Просто дух захватывало от таких значимых и грандиозных свершений, свидетелями и современниками которых они становились.

Через две недели они уже уезжали домой, не задумываясь пока о том, вернутся ли сюда когда ещё. Им не терпелось скорее повстречаться с друзьями, поделиться с ними своими переживаниями и впечатлениями..

Нашего полку... 1962 год

Накануне Нового 1962-го года в семье Нащокиных ожидалось прибавление. Николай боялся загадывать, но в душе лелеял надежду, что на этот раз у него всё же родится дочка. Все были уверены, что это произойдёт ещё до Нового года. Но наступил Новый год, начались зимние каникулы в школе, и тут Тамара сама поняла, что время пришло. Николай отвёз её в роддом. Витька с уверенностью оракула заявил, что ребёнок непременно родится на Рождество 7-го января. Дело в том, что на этот день приходился его собственный день рождения, но в суматохе все как-то об этом подзабыли. Поэтому он, обладая неким логическим мышлением, рассудил абсолютно здраво, что если ребёнок родится с ним в один день, то этого больше никогда не случится. Ровно таким образом и произошло. Аккурат седьмого числа Тамара Анатольевна благополучно родила мальчика, которого, по сложившейся традиции давать сыновьям имена на букву «В», назвали Валентином. И только рождение дочери могло нарушить эту традицию.

Когда первая жена Нина в третий раз готовилась разрешиться беременем, Николай был настолько уверен, что будет девочка, что заранее ещё не родившегося ребёнка уже звал Катей. И порой, обращаясь к жене, спрашивал:

– А как там наша Катя себя проявляет?

Но, вопреки ожиданиям, опять родился мальчик. И в дальнейшем, когда Вовка начал хныкать по какому-либо поводу, Николай умышленно начинал называть его Катей. Вовка поначалу обижался, но потом понял в чём дело и стал вести себя более осмотрительно.

Валерка сразу же окрестил новорожденного «Мелким», а Вовка с удовлетворением ощутил себя повзрослевшим.

Мгновения 1962 год

10 февраля был осуществлён обмен советского разведчика Рудольфа Абея, приговорённого в США к тридцатилетнему тюремному заключению, на американского пилота Пауэрса, сбитого над Свердловской областью 1 мая 1960 года. В СССР он был осуждён на десять лет тюремного заключения.

Вовка хорошо помнил, как в Ужгороде отец забрал его из интерната на праздники домой. Первого мая они вместе были на городском стадионе, где проходили праздничные мероприятия и отца разыскали прямо там и срочно вызвали на службу. Потом Вовка узнал, что в это самое время американский самолёт-шпион нарушил государственную границу СССР и полетел дальше вглубь нашей территории. Может быть, он пролетел как раз над ними. Это происшествие глубоко врезалось в его память. С тех пор прошло два года и вот этот состоявшийся обмен оживил в памяти картины недавнего прошлого. Вовка снова стал задумываться над тем, а не стать ли ему в будущем тоже разведчиком. Он даже стал вырабатывать определённый стиль поведения, который, в его понимании, наиболее соответствовал представителям данной профессии. Стал читать соответствующую литературу. Стали популярными игры в шпионов. Пацаны устанавливали слежку за кем-то, казавшимся им подозрительным. Узнавали где живёт, где и кем работает, с кем встречается. Чтобы объект не обнаружил слежку за собой, часто менялись, как бы передавая его из рук в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.